

2. Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М. : Высш. школа, 1978. – 216 с.

3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1977–1984.

4. 现代汉语规范词典. – 语文出版社, 2014. – 1936 页. (Нормативный словарь современного китайского языка. – Пекин, 2014. – 1936 с.)

5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.

УДК 811.161.1'42:398.91:17.036.11:811.581'42:398.91:1-7.036.11

О. Н. Мельникова, Хуан Вэйвэй

ПАРЕМИИ О СЧАСТЬЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются русские и китайские поговорки, отражающие представления о счастье. В ходе сопоставления выявляются компоненты, формирующие структуру эмоционального концепта «счастье», представленную в наивной картине мира носителей рассматриваемых языков.

Сопоставительное изучение паремиологического фонда двух неродственных языков – русского и китайского – позволяет выявить как универсальные, так и специфичные признаки, характеризующие эмоциональный концепт «счастье».

Анализ русских и китайских поговорок показал, что в рассуждениях на тему счастья есть немало сходных черт. Так, в обоих языках достаточно многочисленную группу составляют пословицы, характеризующие условия, без которых счастье невозможно. При этом следует отметить, что выявленные условия характеризуются, как правило, амбивалентными свойствами. С одной стороны, в русском обиходном сознании укоренены воззрения на счастье как на синоним богатства, достатка: *Счастливому (богатому) не что дается: живет да греется. Кто запаслив, тот и счастлив.* С другой стороны, зафиксирована точка зрения, согласно которой деньги не являются необходимым атрибутом счастья: *Не в деньгах счастье. Счастье не в кошельке, счастье в руках. Счастье за деньги не купишь.* Кроме того, неизвестно, чем может обернуться обладание лишним предметом имущества, поэтому: *Нашёл – не радуйся, потерял –*

не плачь. Следует уметь радоваться жизни при любых обстоятельствах: *Хоть голый, да весёлый* [1].

В сознании китайского народа деньги также не являются условием счастья, сравн.: 积金非福荫, 教子是良谋 (*Счастье сыновьям посылает не богатство, а воспитание*); 不惜钱, 也惜福 (*Не береги деньги, береги счастье*). Более того, неожиданное богатство даже является источником беды: 飞来横财, 非福是祸 (*Неожиданное богатство – это не счастье, а беда*). В традиционном сознании китайского народа счастье основывается не на деньгах, а на самых простых компонентах жизни – здоровье, покое, безопасности и т. д. Иными словами, жизнь без несчастья и болезней – это уже счастье: 平安就是福 (*Покой и безопасность – это счастье*); 吃了是福, 穿了是禄 (*Еда – счастье, одежда – благополучие*); 有病是灾, 无病是福 (*Больной – несчастливый, здоровый – счастливый*); 无灾便是福 (*Нет беды – это уже счастье*) [2].

В отдельную подгруппу можно выделить пословицы, характеризующие обусловленность счастья умственными способностями человека. С одной стороны, ум в ряде русских пословиц представляется одним из важнейших условий счастья: *Счастье без ума – дырявая сумка: где найдёшь, там и потеряешь. Мудреному и счастье к лицу. Счастье тому бывает, кто в труде да ученье ума набирает*. С другой стороны, счастье в русском самосознании очень часто противопоставляется уму его обладателя: *Глупому счастье, а умному бог дает. Глупому счастье, а умному напасть. Дуракам во всём счастье. Дурак спит, а счастье в головах лежит* [1].

Счастье в китайских пословицах и поговорках также предпочитает глупого: 傻人有傻福 (*У дурака и счастье глупое*); 庸人多厚福 (*У глупца щедрое счастье*); 聪明偏受聪明苦, 痴呆越享痴呆福 (*Умный страдает от ума, глупый блаженствует от глупости*) [2].

В обоих языках выявлены паремии о том, что счастье является результатом труда, личных заслуг человека: *Счастье у каждого под мозолями лежит. Счастье и труд рядом живут. Счастье не в воздухе вьётся, а руками достаётся. Там счастье не диво, где трудятся нелениво. Счастье не в кошельке, счастье в руках*. При этом в ряде пословиц данной подгруппы подчёркивается необходимость активного участия самого человека в процессе достижения счастья, сравн.: *Всяк человек своего счастья кузнец. Счастье – в нас, а не вокруг да около. Кто за счастье борется, тому оно и клонится. Счастья ключи в своих руках ищи* [1].

Значительное количество китайских паремий также отражает представление о том, что счастье является результатом трудолюбия, доброты и других добродетелей человека: 一切福祸, 自作自受 (*Беде*

или счастьем сам человек хозяин); 福自勤中得 (Счастье достигается трудом); 行善获福, 得恶得殃 (Добрые дела привлекают счастье, злые – несчастье); 祸由恶作, 福自德生 (Несчастье из-за зла, а счастье – от добра); 饶人是福, 欺人是祸 (Прощая других, привлекаешь счастье, обижая других – беды) [2]. Итак, согласно отмеченным китайским пословицам, человек сам создаёт своё счастье, точнее, «накапливает» его путем каждодневных усилий, направленных на совершение добрых дел.

Однако, как уже было отмечено, слово *счастье* в китайском языке с древнейших времён обозначает покровительство свыше [3, с. 107]. В китайском паремиологическом фонде получает более яркое воплощение представление о том, что счастье зависит от воли небес, а не от воли человека, сравн.: 人生祸福总由天 (Бед и счастье в жизни зависят от неба); 生死有命, 祸福在天 (Жизнь и смерть приходят в назначенный час, беда и счастье зависят от небес); 祸福生死皆由命, 果然半点不由人 (Жизнь, смерть, беда и счастье – все зависят от неба); 天官赐福 (Счастье дарует небеса) [2].

Для русского обыденного самосознания характерно восприятие счастья как некоей непредсказуемой стихии, и, как следствие, – стихии ненадежной, неподконтрольной человеку: *Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке. Счастье что вешинее ведро: ненадежно. На счастье нет закона. Счастье – вольная птичка: где захотела, там и села. Счастье, что солнышко: и улыбнется, и скроется. Счастье, что трясье: на кого захочет, на того и нападет.* На фоне подобных представлений о счастье вполне естественным представляется сложившееся у русского народа и отразившееся во «фразеологическом языке» определенное «недоверие» счастью, осторожное отношение к его поискам, некое «предостережение» от него: *На счастье не надейся. Не верь счастью – на пёстром коне ездит. Счастью не верь, а беды не пугайся. Счастье искать – от него бежать* [1].

В китайском языке также имеются паремии, которые характеризуют счастье / несчастье как природные стихии, к примеру, дождь или ветер, акцентируя внимание на свойствах непредсказуемости, изменчивости, неизбежности: 天有不测风云, 人有旦夕祸福 (В небе бывают непредвиденные ветер и облака, а у человека – горести и счастье); 人有不时祸福 (Счастье и несчастье возможны в любое время); 祸福无门至, 风云不测来 (Счастье и несчастье неустойчивы, как ветер и дождь в природе) [2].

Характерным для русского обыденного сознания является противопоставление счастья и несчастья, счастливого и несчастного: *Счастье на крылах, несчастье на костылях. Беды кулем валятся, а счастье золот-*

никами. Счастливый – к обеду, несчастный – к ответу. Счастье на коне, несчастье под конем. Во многих случаях счастье и несчастье противопоставлены как сон и действительность, прошлое и настоящее: Счастлив бывал, да несчастье в руки поймал. Во сне счастье, наяву несчастье. Во снах счастье, а в быль напастье. Однако, вполне типичным в языке пословиц и поговорок русского народа можно считать рассмотрение счастья и несчастья как неразрывного целого: Счастье с несчастьем близко живут. Счастье с несчастьем в одних санях ездят. Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось. Счастье с несчастьем – ведро с ненастьем. На фоне подобных представлений вполне логичной представляется мысль о недостижимости счастья в реальной жизни: Наше счастье – решето дырявое. Наше счастье – дождь на ненастье. Во снах счастье, а в быль напастье. Во сне счастье, наяву несчастье. Моё счастье разбежалось по сучкам, по веточкам [1].

В русских пословицах отмечается, что достижение счастья часто сопряжено с негативными эмоциями; иными словами, счастье нужно выстрадать: Выстраданное счастье крепче. Не узнав горя – не узнаешь и счастья. Кто в горе руки опускает, тот счастья никогда не узнает. Бояться несчастья – и счастья не видать. Не было бы счастья – да несчастье помогло [1].

В ряде китайских паремий также прослеживается отчетливое противопоставление счастливого и несчастного: 福至心灵, 祸至神昧 (Со счастьем душа светлая, без счастья и ум темный); 有福之人人伏侍, 无福之人伏侍人 (Счастливому все служат, несчастливый служит всем). В китайских пословицах и поговорках регулярно отражается диалектическое соотношение между счастьем и несчастьем. Так, в ряде паремий отражена точка зрения, что между счастьем и несчастьем нет чётко очерченной границы; счастье и несчастье рассматриваются как неразрывное целое, они превращаются друг в друга, рождаются одно из другого: 祸福倚伏 (Несчастье и счастье рождаются одно из другого); 祸与福相邻 (Несчастье и счастье – соседи); 福为祸倚, 祸为福伏 (В несчастье живет счастье, а в счастье таится несчастье) [2].

Такое сомнительное свойство счастья и несчастья составляет одну из двух основных причин «боязни счастья» в китайском сознании – счастье в любой момент может обернуться бедой. И даже несчастье, испытываемое человеком, является условием счастья, т. е. счастье нужно выстрадать: 吃不了苦, 享不了福 (Без страдания счастьем не насладишься). Кроме того, подчёркивается, что после счастья обязательно следует ожидать несчастья: 少年享福多, 老来受罪多 (Если в молодости счастлив, то несчастлив в старости); 福过灾生, 乐极生悲 (За счастьем

следует беда, за радостью вслед идут печали). Именно поэтому нельзя неумеренно наслаждаться счастьем: 福享有度, 积德无限 (*Наслаждайся счастьем умеренно, делай добро неограниченно*) [2].

Как следует из анализа рассмотренного материала, в русских и китайских поговорках отражены некоторые сходные представления о счастье, что свидетельствует об универсальном характере рассматриваемого концепта; однако, обращают на себя внимание и некоторые отличия. На наш взгляд, в русской поговорочности, с одной стороны, чаще подчеркивается недостижимость счастья в реальной жизни; с другой стороны, получает более яркое воплощение мысль, согласно которой счастье создается человеком своими руками. В китайских поговорках отмечается, что счастье и несчастье в большей степени зависят от высших сил, а человек только оказывает влияние на возможность достижения счастья: он может его привлечь к себе путем усилий, направленных на совершение добрых дел, самосовершенствование.

Обращает на себя внимание тот факт, что и в русских, и в китайских поговорках счастье и несчастье регулярно упоминаются одновременно, в одном контексте. При этом в китайских поговорках подчеркивается, что счастье и несчастье имеют равный статус, одинаковое свойство: либо обе этих сущности – счастье и несчастье – зависят от неба, либо обе они вызываются самим человеком. В русских поговорках также получила воплощение мысль, что для достижения счастья нужны усилия самого человека; однако при характеристике несчастья участие человека практически не отмечается: несчастье приходит независимо от его усилий и действий, как дождь или ураган. А. В. Сергеева отмечает: «Русские воспринимают чужое несчастье без всякого осуждения, презрения, тем более – без чувства превосходства. Потому что несчастье для них – это не результат личной ошибки, а удар судьбы, это беда, от которой никто не застрахован» [4, с. 171]. Вследствие подобных представлений о несчастье русские преисполнены сострадания, и также ощущения чувства внутренней неловкости и психологического дискомфорта, в котором появляется характерная для русского сознания черта – «боязнь» счастья. По замечанию М. А. Делягина, самым главным, едва ли не фатальным пороком носителей русской культуры является «боязнь счастья и инстинктивное бегство от него как от греха, неумение и, главное, искреннее нежелание любить себя и принимать себя такими, какими они являются» [5].

«Боязнь счастья», на наш взгляд, в какой-то степени свойственна и китайскому менталитету, отражённому в поговорках, однако данная особенность вызвана скорее закономерной взаимосвязью счастья и несчастья, их взаимообусловленностью, стёртостью границ между

ними. Иными словами, человек должен опасаться счастья, потому что за счастьем закономерно следует несчастье.

Таким образом, паремиологический фонд обоих языков содержит примеры, актуализирующие как универсальные, так и национально маркированные компоненты в структуре рассматриваемого концепта.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/06.php. – Дата доступа : 10.09.2019.
2. 中国俗语大辞典 : 温端政主编 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年3月 – 956 с.
3. Мельникова, О. Н. Особенности вербализации концепта «счастье» в русском и китайском языках / О. Н. Мельникова, Хуан Вэйвэй // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов: сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 105–108.
4. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – М. : Наука: Флинта, 2007. – 320 с.
5. Делягин, М. Г. Наши главные враги: боязнь счастья и авральность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.odnako.org/blogs/russkiy-narjd-v-globalnoy-konkurencii>. – Дата доступа : 04.09.2019

УДК 811.161.1'373.231

Н. В. Михалькова

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

В статье анализируется специфика языковой концептуализации семейных ценностей в китайской и русской картинах мира, выявляются и сопоставляются семантические компоненты значений слов семья / 家 jiā 'семья' в разных языках, определяется количественный состав подсистемы фразеологических единиц, описывающих семейные ценности в рассматриваемых лингвокультурах, устанавливаются особенности представлений о семье и семейных ценностях представителями разных национальностей сквозь призму фразеологических единиц.